

ния других групп населения при схожих обстоятельствах. Конкретно привязанным к изучаемой территории источником являются записанные историко-бытовыми экспедициями устные рассказы-воспоминания жителей.

Этнографическое обследование района наиболее активно происходило в 1960–1980-е годы, когда основными информантами оставались пожилые женщины – как наиболее инертная, не склонная к миграциям часть крестьянского социума. К тому же память о событиях военной эпохи 1914–1920 гг. сохранили именно женщины, поскольку они и были в период массовых мобилизаций и политических репрессий основным населением деревень. Важным обстоятельством является также особенность женской памяти, сконцентрированной на малозначительных событиях бытового характера. Записанные «мужские» рассказы чаще касаются более значимых и ярких событий жизни (участие в войнах, коллективизация). Косвенная информация, полученная из «женских историй», позволяет максимально полно воспроизвести жизнь далекой от политических событий северной «глубинки» в судьбоносные для страны периоды истории.

Сообщение подготовлено на материалах исследования, проводимого в рамках Программы НИР Национального парка «Кенозерский» (договор № 186) и при поддержке гранта РФФИ (проект № 22-18-20061).

О.А. Симонова

*Москва, Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН*

Женский нарратив о Гражданской войне: особенности и критерии классификации

Традиционно война воспринимается как мужское пространство, в котором женщине уделено место жертвы или молчащего субъекта. Между тем именно на женщинах война сказывается самым пагубным образом: будучи мирными жителями, они чаще подвергаются насилию и грабежам, а после войны на их пле-

чи ложится восстановление разрушенного хозяйства. Очень долго женщинам была недоступна роль активной участницы войны, только со второй половины XIX в. они стали законно присутствовать на полях сражений в качестве сестер милосердия. Эта профессия, будучи наиболее гендерно комформной для женщины (в ней проявлялись типично «женские» добродетели заботы, ухода, утешения), долгое время была единственно одобренным, нормативным способом участия женщин в вооруженных конфликтах. Но женщины боролись и за право защищать свою семью и отечество с оружием в руках. В российской истории узаконенным способом массового поступления женщин в солдаты стали в Первую мировую войну женские батальоны.

В Гражданскую войну роль бойца оказалась для женщин еще более доступной: в Красной армии их служило более 60 тыс. [4, с. 79]. Попытки осмысления своего положения делались женщинами как во время конфликта (дневники, письма), так и после него (мемуары, беллетристика). Женский нарратив, созданный после окончания войны, представляется более сложным для интерпретации. Существует множество ограничений, которым подвергается мемуаристка или писательница, обращающаяся к теме Гражданской войны, среди основных критериев можно отметить следующие.

Географический критерий. Принципиальным является место, в котором происходит запись, – в СССР или в эмиграции.

Предназначение текста. Важно, пишется ли текст, чтобы быть опубликованным сразу после написания, либо для внутреннего (личного, семейного, дружеского) использования с возможностью опубликования спустя годы.

Идеологический контекст. Соответственно времени написания и согласно царящей в тот момент концепции осмысления войны на первый план выдвигаются те или иные особенности нарратива (к примеру, подчеркивается уникальность поступков конкретной участницы либо героизм коллектива, масс). Все эти критерии определяют степень самоцензуры автора.

Участие автора в войне. Осмысление войны можно квалифицировать по типу участия в ней оставившей свои записи женщины (мирные жители, сестры милосердия, бойцы).

Жанр текста. Еще одним классификатором становится модус достоверности изображаемого, определяемый жанром текста. Хотя и мемуаристика, и беллетристика являются продуктом художественного воображения автора, в первом случае есть установка на достоверность, а потому автор в большей степени несет ответственность перед читателем за изображаемое.

Тип героини. Важным как для эго-текстов, так и для беллетристики, становится тип героини, которую показывает автор. Принципиальную разницу можно фиксировать при создании автогероини и при изображении других женщин.

Социальное происхождение автора напрямую соотносится с предыдущим пунктом. Так, если простые красноармейки в своих воспоминаниях упоминали о совершенном над ними насилии [3], то для рефлексирующих женщин характерен запрет на проговаривание собственной травмы. Профессиональные писательницы или женщины, примкнувшие к белому движению, как отмечает О.Р. Демидова, предпочитали приписывать собственный опыт безымянным Другим [2, с. 12].

В эго-документах и художественной литературе проявлено схожее отношение к сексуальному насилию. Мемуаристка или писательница фиксирует насилие над другими женщинами. Обычно она слышит происходящее либо знает о нем с чужих слов. Но женщины, описывающие Гражданскую войну, избегают описаний насилия, совершенного по отношению к ним. Посмотрим, как это проявляется в мемуарах писательницы А.А. Саксаганской «В тылу» (1933) и романе участницы Гражданской войны Л.А. Аргутинской «Огненный путь» (1932).

При захвате Екатеринослава кубанскими казаками Саксаганская чуть не подверглась насилию. Но, по ее словам, ей удалось избежать изнасилования благодаря яростному отпору с ее стороны и подоспевшим представителям властей [5, с. 376–377].

К поселившейся в гостинице автобиографической героине романа Аргутинской Нине ночью ломаются в номер. Она, чуть не подвергшись насилию, спасается бегством [1, с. 66–67]. Будучи в разведке, Нина слышит, как в одном доме насилуют женщину, призывает командира Перлина помочь ей, но он не рискует

[1, с. 94]. А вечером сам Перлин домогается Нины и получает отпор.

Таким образом, свою автогероиню авторы наделяют особой удачливостью, силой духа и смелостью. Ей удастся отстоять свою половую неприкосновенность, в отличие от других женщин. Связано такое отношение, вероятнее всего, с невозможностью для автора обнажить травму. Недосказанность, недостаточный акцент на собственном бессилии и унижении становятся одной из характеристик женского нарратива о Гражданской войне. Впоследствии это преодолевается в женском повествовании о Второй мировой войне (изданный анонимно и приписываемый Марте Хиллерс дневник «Женщина в Берлине», 1954; собранные С. Алексиевич истории в ее книге «У войны не женское лицо», 1985).

Поддержано РФФ, проект № 19-78-10100 в ИМЛИ РАН.

Список источников и литературы

1. *Аргутинская Л.* Огненный путь. М.: Московское товарищество писателей, 1932.

2. *Демидова О.Р.* Жизнь как «история изнутри» // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 5–16.

3. *Женщина в гражданской войне. Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920-х гг.* М.: ОГИЗ, 1937.

4. *Романишина В.Н.* «Все девушки и женщины обязаны пройти Всеобуч и допризывную подготовку...» // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 78–81.

5. *Саксаганская А.* В тылу / подготовка текста и коммент. Симоновой О.А. // *Историография гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д.С. Московская.* М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 347–380.